

Спустя семь дней Сун Хуаймин должен был окончательно прийти в себя после действия моего снадобья. Я направился к Башне Небесной Кары. Стоило мне переступить порог, как слуги доложили: генерал очнулся и как раз принимает лекарство.

— Генерал Сун.

— Цинмин! — завидев меня, он тут же отставил чашу. — Тот случай... то дело...

Я жестом велел слугам удалиться и присел на край его постели.

— Генерал, сначала допейте лекарство.

Дождавшись, пока он осушит чашу, я неспешно произнес:

— Со стороны Шангуань Цинланя... за последние два дня возникли некоторые осложнения.

— Что? Что-то случилось? — он подался вперед, в голосе звучала неподдельная тревога.

Я смерил его тяжелым, полным сомнения взглядом и вздохнул:

— Генерал Сун, раз уж мы оба служим Дунфан Чэньцзюню, то...

— погоди! — он странно оборвал меня на полуслове. — О чем ты? При чем здесь Дунфан Чэньцзюнь? Какое он имеет к этому отношение?

— Генерал, я — ученик Шангуань Цинланя. Неужели вы мне не доверяете? Если Шангуань Цинлань вызвал вас в столицу именно сейчас, значит, это ради нашего общего дела.

— Цинмин, о чем ты говоришь? Какое еще «великое дело»? — Он стал суровым. — Я, Сун Хуаймин, — военачальник пограничных земель. И если я кому и служу, то только Дунфан Вэйцзюню. Не смей молоть чепуху!

— Вы... Хотите сказать, генерал, что вы не человек Дунфан Чэньцзюня?

— Я служу Восточной Мин. И пусть за мной нет великих подвигов, я твердо знаю одно: верный подданный не служит двум господам. Я исполняю волю Дунфан Вэйцзюня, как я могу быть человеком Дунфан Чэньцзюня?!

Я резко встал.

— Генерал Сун! — мой голос зазвучал сталью. — Шангуань Цинлань пригласил вас вернуться в это непростое время лишь для того, чтобы вы помогли нам! Как вы можете быть столь упрямы? Прошу вас, ради вашей дружбы с Шангуань Цинланем, одумайтесь, пока не поздно!

— Юйвэнь Му — мудрейший человек, он не мог пойти на такое безумство! Я не верю. Живо веди меня к нему!

Пылкая преданность и благородное негодование — Сун Хуаймин, ты играешь свою роль безупречно. Посмотрим, действительно ли ты так глуп или просто мастерски притворяешься.

— Сун Хуаймин! — Я посмотрел на него с нескрываемой горечью. — До каких пор ты будешь ломать комедию? Раньше, когда Шангуань Цинлань находился под домашним арестом в своей усадьбе, он жил в роскоши и не знал нужды. Но стоило тебе вернуться, как его тайно бросили в небесную темницу. Как ты это объяснишь?!

— Что?! — Он мертвой хваткой вцепился в мой воротник. — Его бросили в темницу? Когда? За что?

— И ты всё еще строишь из себя дурака? Шангуань Цинлань вызвал тебя из такой дали, я принял тебя как самого почетного гостя... Кто же знал, что ты окажешься столь бессердечным предателем.

Я мгновенно похолодел.

— Раз так, генерал Сун, не взыщите. Цинмин вынужден пренебречь приличиями.

Я дважды хлопнул в ладоши. Кровавые стражи бесшумно, точно тени, возникли в комнате.

— Отправьте его в допросную Башни Небесной Казни. Генерал Сун, нам не по пути. Пока я не вызволю Шангуань Цинланя, посидите там и хорошенько поразмыслите над своим поведением!

Стражи скрутили Сун Хуаймина и поволокли прочь. Стоило им скрыться из виду, как я не выдержал и рухнул на кровать в приступе безудержного смеха.

— Цинмин? — В комнату вошел Симэнь Цзиньжунь. Он замер в дверях, недоуменно глядя на меня. — Что случилось? Что тебя так рассмешило?

— А, Цзиньжунь... — Я едва переводил дух от смеха. — Пустяки, ничего особенного. Ты зачем здесь?

От смеха в теле разлилась слабость, и я остался полулежать, не заботясь о том, что ворот моего халата, распахнувшийся в недавней стычке с генералом, выглядит двусмысленно.

— Я пришел за тобой. Разве ты не обещал, что мы сегодня вместе пойдем на ярмарку?

— Ах, точно.

Несколько дней назад, пытаясь его утешить, я действительно дал такое обещание. Мы бывали там не раз, но в Цзиньжуне всё еще жила детская непосредственность — такие развлечения ему никогда не надоедали.

— Ты совсем перестал ко мне заходить, — он присел на край кровати. Его черные блестящие глаза смотрели на меня с такой немой укоризной, что мне стало почти совестно.

— Последние дни были важные гости, дела... — Я приподнялся и легонько потрепал его по щеке. — Но раз обещал — исполню. Поужинаем и сразу на ярмарку, идет?

— Ты вечно относишься ко мне как к ребенку, — он недовольно опустил голову. — А ведь я старше тебя.

Я мысленно закатил глаза.

" Быть старше по годам — не значит быть взрослым. Если мерить по прожитому, я тебе в отцы гожусь. "

— Хорошо-хорошо, ты у нас самый взрослый.

Я смеясь взъерошил его волосы, но он вдруг перехватил мои руки и притянул к себе, заключая в объятия.

" Снова за своё. "

Я лишь вздохнул и не стал вырываться, послушно затихнув в его руках. Только сейчас я осознал, что Цзиньжунь как-то незаметно превратился в высокого, статного юношу. Если бы не яд, он наверняка стал бы великим воином, не уступающим Сун Хуаймину. Но судьба распорядилась иначе. Управляющий Сун говорил мне, что Цзиньжунь каждое утро упражняется с мечом. Пять лет назад снежный лотос спас ему жизнь и укрепил внутреннюю энергию, но в боевых искусствах он по-прежнему был слаб. И всё же он не сдавался, день за днем расспрашивая стражников и упорно тренируясь.

Видеть, как твой "ребенок" стремится к цели, зная, что она недостижима — это одновременно и радостно, и невыносимо больно.

— Цинмин...

— Цзиньжунь...

Мы произнесли имена одновременно. Он замер, ожидая, что я скажу. Я лишь улыбнулся:

— Говори ты.

— Я хочу тебя поцеловать.

— Хорошо.

Я сам не понял, как эти слова сорвались с моих губ. Настроение было на редкость светлым, и я не придавал этому значения. Опомился я лишь тогда, когда его губы коснулись моих. Рефлекторно я хотел оттолкнуть его, но, почувствовав под ладонями его широкие плечи, вдруг обмяк. Чувство горечи от нашей схожей участи лишило меня воли к сопротивлению. Впрочем, Цзиньжунь вряд ли мог отличить сострадание от страсти.

Поразительно, но в его поцелуях не было грязи — лишь пугающая, обезоруживающая чистота. Он касался моего лица нежно, точно перышком. В этом не было ни капли злобы или похоти, и я окончательно расслабился. Должно быть, его любовь — это всего лишь привязанность к близкому человеку, иначе почему его губы так ласковы? От этой нежности хотелось плакать.

Внезапно меня прошиб холодный пот. Я резко оттолкнул его. Цзиньжунь упал на пол, глядя на меня с обидой и непониманием. Я ожесточился и ледяным тоном произнес:

— Мне нездоровится. Пусть Сун Нин или Цюлин проводят тебя на ярмарку.

Не дожидаясь ответа, я стремительно вышел из комнаты. В саду я подставил лицо ледяному весеннему ветру, надеясь, что он остудит мой воспаленный мозг.

" Нежность? Какая глупость! Даже малейшая слабость в этом жестоком мире станет моим концом. "

Приведя мысли в порядок, я направился к Башне Небесной Казни. У меня была привычка: всякий раз, когда я чувствовал, что становлюсь мягким, я шел туда, чтобы вернуть себе ясность ума. К тому же сейчас там томился один человек, ждущий моей «заботы».

Снаружи башня выглядела как обычный изящный терем. Несмотря на то, что жили там люди опасные, здание служило лишь для жилья и дел. Мало кто знал, что глубоко под ним скрыты тесные подземелья. Это место было создано для того, чтобы безупречный, начитанный хозяин «Пристанища Феникса» мог дать волю своей жестокости и гневу.

Когда я прибыл, Сун Хуаймина уже успели «обработать». Его тело не кровоточило, но вся

спина и грудь были покрыты вспухшими багровыми полосами от плети. Пряди черных волос прилипли к мощным мышцам, взмокшим от пота и боли. Глаза ему завязали черной тканью — лишение зрения обостряет чувства, заставляя жертву страдать в разы сильнее. Закаленное в битвах тело воина было лишено капли жира, и на фоне этих рельефных мускулов и смуглой кожи кровавые рубцы выглядели пугающе красиво.

Эта допросная предназначалась для недолгих пыток. Два года назад здесь держали ассасина, который сумел вытерпеть невыносимое — это меня поразило. Инструменты здесь были воссозданы мной по древним трактатам со всего мира, и мало кто выдерживал больше трех кругов. Тогда я лично спустился в подвал.

Тот убийца... Спутавшиеся волосы, статное тело, волевое лицо — и всё это в крови. Даже истерзанный до полусмерти, он сохранил огонь в глазах. Он был похож на раненого леопарда, который, даже умирая в схватке с другими хищниками, не терял своего царственного величия.

В тот миг он заморозил меня, и жаркая волна удовольствия ударила в пах. Именно тогда я понял: мне нравятся мужчины. Мне нравятся загнанные, окровавленные звери.

Тот ассасин закончил свои дни в аду другой пытки. С тех пор эти стены служили лишь моему порочному вкусу. Объектами становились те редкие смельчаки, что осмеливались перейти мне дорогу — опасные, красивые «хищники».

В Сун Хуаймине не было той мрачной, притягательной ауры преступного мира. Напротив, он манил меня своей непоколебимой, праведной статью. Мне до смерти хотелось увидеть, какое выражение примет его честное лицо, когда речь пойдет не об Юйвэнь Му. Я подошел и сорвал повязку, возвращая ему зрение.

— Цинмин...

Он был в сознании. Впрочем, неудивительно: если бы он отключался после пары ударов плетью, вряд ли бы стал генералом.

— Не вините меня, генерал. Вините свое упрямство. Мудрая птица выбирает дерево, на котором вьет гнездо. К чему эти напрасные страдания?

— Дай мне... увидеть Юйвэнь Му...

— Шангуань Цинлань в небесной темнице, бог весть, какие муки он там терпит...

" Опять за своё. Хмурит брови так, что смотреть тошно. Юйвэнь Му использует его как пешку, а он видит в нем святыню. Столько времени я распинаюсь перед ним, а он и не думает предавать Дунфан Вэйцзюня. Стоило бы Юйвэнь Му шепнуть пару слов, и контракт был бы подписан. "

Пару дней назад Император уже отправил своих людей заменить Сун Хуаймина на его посту. Юйвэнь Му и компания наверняка уже начали ерзать. Но сейчас не время думать об этом. Я холодно усмехнулся, уселся в кресло и велел стражам принести "игрушки".

— Цинмин... Неужели ты думаешь, что это я предал Шангуань Цинланя?

" Подозрение? Мне не нужны причины, ты лишь повод. "

— Те, кто не стали друзьями, могут быть только врагами.

Я выбрал длинную тонкую плеть с зазубринами. Мои люди знали мои пристрастия — пускать кровь полагалось только в моем присутствии.

— Мо Ли.

Я протянул плеть стражу. Мо Ли был моим доверенным лицом, он отвечал за допросные и идеально соответствовал моему вкусу и по внешности, и по характеру. Я поставил его здесь не потому, что хотел сделать своей добычей — просто его глаза всегда смотрели только на меня одного.

Почти все первые стражи «Пристанница Феникса» были людьми управляющего Суна. Со временем организация разрослась, и их осталось меньше десятого процента. Но те, старые стражи, были преданы мне до гроба за спасение их жизней. Мо Ли был одним из лучших.

Маленькое развлечение началось. Мо Ли мастерски владел плетью: его движения были изящны, а следы на теле — безупречны. Тонкие красные нити прорезали кожу, мелкие капли крови бисером выступали на смуглом теле.

Вид крови наконец вернул мне доброе расположение духа. Сун Хуаймин терпел, стиснув зубы, и это было куда приятнее, чем его сетования о наставнике. В мужчине, безмолвно сносящем муки, есть особое очарование. Когда всё его тело покрылось сетью багряных росчерков, я велел Мо Ли остановиться. Подойдя ближе, я провел кончиками пальцев по истерзанной груди генерала и радостно рассмеялся.

— Плеть — не самое грозное оружие, но мне нравится результат. Мо Ли, работа безупречна. Ты оправдываешь свое имя — «Асура кровавых брызг».

Я поднял взгляд на лицо Сун Хуаймина. Мои пальцы, испачканные его кровью, ласково коснулись его щеки, оставляя алые мазки.

— Знаешь... в таком виде ты по-настоящему хорош.

Я вернулся в кресло.

— Ну что ж, начнем по-настоящему. Для генерала это в новинку, Мо Ли, будь с ним ласковее.

Мо Ли зашел со спины и сорвал с него последние клочки одежды. Когда генерал предстал передо мной полностью обнаженным, его лицо исказилось. Мо Ли стянул его лодыжки кожаными ремнями, закрепил их на концах распорки и повалил генерала на спину. Его ноги были разведены и прижаты к груди, руки связаны за спиной сложной вязью узлов.

В этой унижительной позе Сун Хуаймин наконец не выдержал:

— Цинмин! Что ты творишь?!

— Я? Я ничего не делаю, — я вскинул руки, демонстрируя свою «невиновность». Я знал, что сейчас на моем лице играет самая лучезарная улыбка. — Лишь наслаждаюсь прекрасным зрелищем.

Мо Ли открыл небольшую шкатулку и зачерпнул пальцами белую мазь. Это не было актом милосердия. Снадобье предназначалось специально для услад — оно стимулировало мужское естество изнутри. Мо Ли ввел палец в его плоть, распределяя лекарство по стенкам.

— Ты... — лицо генерала из мертвенно-бледного стало землистым. Казалось, он уже понял, какая участь его ждет. — Цинмин! За что ты так поносишь меня?! Использовать такие грязные средства... Ты недостойн называться учеником Юйвэнь Му!

— Поговори еще, пока есть силы, — я заметил, как тело Сун Хуаймина отозвалось на мазь — к бледноте примешался лихорадочный румянец. — Скоро ты забудешь даже собственное имя.

Закончив, Мо Ли встал подле меня. Мы молча наблюдали за переменами. Смуглая кожа покрылась испариной и розовыми пятнами. С его окровавленных губ сорвался первый приглушенный стон, дыхание стало хриплым. Его крепкое тело непроизвольно выгнулось, на кончике его возбужденного органа выступила влага. Но когда он был уже на грани, Мо Ли подошел и туго перетянул его тонким шнуром, лишая возможности разрядки.

— Должно быть, это мучительно... — глядя на его метания, я почувствовал, как в моем собственном паху нарастает напряжение. — Попроси о пощаде, и Мо Ли будет очень нежен с тобой.

Генерал проигнорировал мои слова, что меня лишь раздосадовало. Кивком я подал знак Мо Ли переходить к главному.

К шнуру, стягивающему плоть генерала, Мо Ли подвесил крохотный колокольчик, а затем выбрал крупный, идеально гладкий нефритовый стержень и с силой вогнал его в Сун

Хуаймина. Тот вскрикнул, но тут же снова до крови закусил губу. В его глазах полыхала ярость.

— Какая жалость, такие красивые губы — и так искусаны.

По моему знаку Мо Ли сорвал кусок ткани от брошенных штанов и заткнул генералу рот. После чего вернулся к его разведенным ногам и начал размеренно двигать нефритовым инструментом.

Белый камень входил и выходил, окрашиваясь алой кровью. Несбывшееся желание заставляло тело генерала мелко дрожать, и каждый его порыв отзывался звоном колокольчика.

Мучительные стоны прорывались сквозь кляп, но на искаженном лице, вопреки воле, проступала краска вынужденного наслаждения. Окровавленное тело в красных рубцах на смуглой коже — эта картина пробуждала во мне самых темных демонов.

Впрочем, на сегодня хватит. Я хотел поиграть с этой игрушкой подольше. К тому же, убивать его нельзя — Император намекал, что он еще может пригодиться. Мои чресла горели от боли, и я невольно коснулся губ пальцами, на которых еще осталась кровь Сун Хуаймина. Слизав ее, я почувствовал, как взгляд затуманивается от желания.

— Мо Ли, довольно.

Мо Ли извлек из тела генерала длинную нить жемчужин, каждая из которых была размером с голубиное яйцо, и развязал шнур. Сун Хуаймина сотрясла судорога, он выгнулся, и семя наконец брызнуло на его живот. На его лице застыла смесь яростного бессилия и животного экстаза, сознание его явно покинуло это место.

Генерала унесли в одиночную камеру. Мо Ли опустился передо мной на колени. Я раздвинул ноги. Он торопливо развязал пояс и, достав свое напряженное естество, приник к моему паху.

Я удовлетворенно застонал, откинувшись на мягкую спинку кресла. В тишине допросной слышалось лишь влажное чавканье и мой прерывистый шепот. Его язык вел меня к вершине, и, вцепившись в его черные волосы, я с силой подался вперед, изливаясь в его рот.

Белые капли на его алых губах выглядели вызывающе красиво. Я привел одежду в порядок и посмотрел на него:

— Ты всё так же хорош, Мо Ли. Но почему даже в такие моменты твое лицо остается каменным?

Он молча поднялся и вытер рот. Я прошел мимо него, легонько коснувшись его груди, и кокетливо улыбнулся:

— Неужели ты и в постели такой же ледяной? Хотел бы я увидеть, какая маска будет на этом гордом лице, когда ты сам станешь молить о ласке.

— Если хозяин прикажет, Мо Ли готов на любую смерть, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Но хозяину я не нужен.

Я лишь пожал плечами, оставляя его слова без ответа, и вышел из Башни.

<http://bllate.org/book/17477/1695330>